

Почему российские судьи не выносят оправдательных приговоров

Если российские судьи начнут выносить оправдательные приговоры, дел в суд будут отправлять значительно меньше. Потому что все сомнительные эпизоды будут убиваться заранее. А раз так, то нагрузка с судей уйдет процентов на 20–30. Как только с них уйдет нагрузка, у них сразу уменьшится штат в течение полутора-двух лет. И финансирование уменьшается в зависимости от отсутствия его освоения.

«...Еще видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда. И сказал я в сердце своем: "праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и суд над всяким делом там"», — сказано в Екклесиасте (3:16–19), в связи с чем сразу обозначим проблему несправедливого суда и нечестивых судей как хорошо известную человечеству.

Однако человечество понимало, что суд нуждается в усовершенствовании, и работало над этим, и продолжает работать. В принципе все согласны с тем, что судья — это всем пример: открытый, абсолютно честный, не связанный обязательствами ни с кем, кроме закона. В некоторых странах судей не досматривают в аэропортах, потому что понятно же — это судья, образец и пример. Он не может себе позволить валяться пьяным в канаве, обматерить старушку, украсть ложечку в кафе, пройтись в Марьино на Русском марше или написать в фейсбуке, что конфедераты должны гореть в аду. Иначе будет скандал и подрыв репутации суда и судьи.

Однако в современной России мы наблюдаем совсем иные сигналы. Пьяному иркутскому судье можно за руль, наказан будет не он, а остановивший его инспектор — и наплевать, что есть видео и его посмотрели миллионы. Судье Хахалевой тоже ничего не будет, потому что на свои гуляем, а где взяли — не ваша забота, голодранцы и завистники. И это все, безусловно, сигнал остальным: так можно, и ничего не будет.

Не все судьи такие, но установка — для всех. Сколько их, как они живут, почему мы не доверяем суду? Почему они жалуются на нагрузку, все время работают, а нам кажется, что они страдают ерундой? Почему в судьи не берут ученых-правоведов, адвокатов, почему в этот клан не попасть? И при этом там тысячи вакансий.

По данным судебного департамента Верховного суда РФ, по состоянию на 30 сентября 2016 года в России функционировали 2502 федеральных суда, в том числе: федеральных судов общей юрисдикции — 2387 единиц; федеральных арбитражных судов — 115.

Общая штатная численность судей федеральных судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов — 29 752 единицы, из них вакантны около 12% должностей, то есть примерно каждая восьмая. Общая штатная численность работников аппаратов федеральных судов составляет 80 472 единицы, фактическое заполнение работников аппаратов судов по России — около 96%, при этом замещение должностей «помощник судьи» и «секретарь судебного заседания» составляет 96%.

В областных и равных им судах число вакантных должностей судей 715 единиц, или 11,1% штатной численности; в районных судах число вакантных должностей судей превышает две тысячи, или 12,5% штатной численности. В окружных (флотских) и гарнизонных военных судах судейский корпус укомплектован соответственно на 84,5% и 84,7%. Более 12% штатной численности составляет количество вакантных должностей судей в арбитражных судах, а в суде по интеллектуальным правам этот показатель достигает 40%.

Деньги

Насколько богаты российские судьи? Давайте посмотрим. И потерпите немного, будет много цифр и всяких расчетов. И потом, это же про чужие деньги, но не совсем, все-таки это деньги налогоплательщиков, так что не стесняйтесь.

В 2000-х годах судьи стали не просто высокооплачиваемыми, а самыми высокооплачиваемыми. На сегодняшний день судья – самая высокооплачиваемая должность в государственном аппарате.

Зарплата судей состоит из пяти частей. Первая – оклад, он рассчитывается по закону «О статусе судей», который содержит приложение №7. Вот там все и расписано, но не в деньгах, а в процентах от оклада председателя Верховного суда РФ (оклад председателя ВС привязан к окладу главы Конституционного суда: председатель Верховного получает 98% оклада главы Конституционного, а оклад последнего утверждает президент).

Для других судей оклад рассчитывается так: за 100% взят оклад председателя Верховного суда, его первый зам получает 95%, и так далее. Нижнюю строчку занимает мировой судья любой территории, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, – его оклад равняется 60% того, что получает по должности председатель Верховного суда. Но его московский или петербургский коллега – 64%.

Вторая часть – надбавка за квалификацию. По тому же закону каждый судья не реже раза в три года обязан проходить повышение квалификации в соответствующих учебных заведениях, стажироваться в других судах, а также другими способами повышать свой уровень. Повысит уровень – повысит и надбавку. А куда он денется.

То есть фактически эта надбавка похожа на надбавку за выслугу лет. Но нет, надбавка за выслугу лет существует отдельно. Это третья часть зарплаты.

Четвертая часть – регулярные поощрения (премии), сейчас они повышены до 1,9 размера оклада по должности.

Пятая часть – специальные доплаты, которые получают судьи, имеющие ученую степень или почетное звание, подтвердившие знание иностранных языков и регулярно их использующие в работе, и так далее. Надбавка выплачивается пропорционально окладу – например, ее размер у мирового судьи составляет 1,6 оклада.

Начинающие мировые судьи в регионах получают 50–80 тысяч рублей в месяц, дальше считайте сами. Федеральный судья получает 150–170 тысяч рублей в месяц без премий и надбавок.

Несмотря на то что сравнивать зарплаты в странах с разным экономическим устройством и уровнем жизни некорректно, приведу данные из других стран, поскольку хочу сравнить не уровень зарплат судей, а показать отношение к разным судьям в разных странах. Судья в Швейцарии (уровня примерно нашего федерального судьи) получает сумму, эквивалентную примерно 100 тысячам евро в год после уплаты налогов. Но это рекорд. Андорра – 70 тысяч евро; Норвегия – 62 тысячи евро; Кипр – 52 тысячи евро; Нидерланды – 43 тысячи евро; Монако – 41 тысяча евро, почти столько же в Финляндии. Но это верхняя часть списка. В Молдавии – чуть больше двух тысяч евро в год.

Однако нигде не сказано, что в других странах судьи бесплатно обеспечиваются жильем, а в России в этом деле построен практически коммунизм. Жилье российским судьям положено из расчета 33 кв. метра на судью + по 18 кв. метров на каждого члена семьи + 20 кв. метров дополнительной жилплощади. Это не служебное жилье.

Но самое прекрасное в работе судей – это пенсии. Тут есть за что страдать и бороться. Пенсия здесь бывает двух видов: для тех судей, кто ушел в отставку, и тем, кто прекратил работу по старости.

Если у судьи стаж работы 20 лет и больше, то он вправе выбирать – пенсия на общих основаниях или пожизненное содержание. Пожизненное содержание очень привлекательная вещь: человек ежемесячно получает 80% суммы, которую получал, будучи на работе. Правда, такое содержание облагается налогом.

Можно проработать и меньше 20 лет, но при условии достижения пенсионного возраста. А также можно получить пожизненное содержание при стаже работы судьей 10 лет плюс еще не менее 15 лет на любой другой должности, связанной с юридической сферой. Если учесть, что в судьи часто попадают из прокуроров или следователей, задача решаемая.

Если гражданин проработал на посту судьи более 20 лет, то кроме четырех пятых ежемесячной зарплаты ему будет начисляться по одному проценту от общей суммы за каждый сверхурочный год.

И вот еще какая прекрасная вещь: начиная с 2012 года в трудовой стаж судей зачисляют службу в армии, время в профучебных заведениях, службу в органах МВД и других государственных ведомствах.

То есть пожизненное содержание судьи в отставке в размере 100 тысяч рублей в месяц – обычное дело.

И еще. Судебному департаменту недавно выделены дополнительные бюджетные ассигнования на выплату судьям в отставке и действующим судьям ежемесячного пожизненного содержания и надбавки к заработной плате в размере 50% ежемесячного пожизненного содержания в следующих объемах: 730,5 млн рублей дополнительно к предельным объемам 2017 года; 1519,3 млн рублей дополнительно к предельным объемам 2018 года; 1519,3 млн рублей дополнительно к предельным объемам 2019 года.

На мантии и обмундирование в 2013–2015 годах выделено больше 300 млн рублей, в 2016 году – 290 млн рублей. Приобретено более 13 500 мантий, 18 тысяч комплектов служебного обмундирования, рубашек (блузок) – 29 700, галстуков – 6500 и 19 950 пар обуви.

Мифы

Насчет российских судей бытует несколько мифов.

Миф первый, самый невинный, – что судьи освобождены от налогов и штрафов. Это не так. Когда-то очень давно судьи не платили налог на доходы физических лиц (НДФЛ). Сейчас – как все.

Миф второй – судьям запрещено выезжать за границу. Это не совсем так. Несколько судей находятся под персональными санкциями по делу Сергея Магнитского. Открытого официального запрета на выезд судей за границу нет, хотя после Крыма судьям негласно не рекомендовано проводить отпуск в странах НАТО. Но Таиланд, например, – без проблем.

Еще один миф – взятки. Есть некие «решальщики», которые заносят судьям деньги, и они решают проблему. Это, конечно, бывает. Но все происходит не так – во всяком случае, у умных судей. Судьи работают в тесном тандеме с прокуратурой и следствием, и «вопросы решать» нужно именно там, то есть не доводить дело до суда, где оправданий не бывает (нынешние жалкие 0,36% оправдательных приговоров – это уже статистическая погрешность).

Если вы «договариваетесь» на условный срок или на уже отсиденный (да, об этом очень даже договариваются), то надо помнить, что есть вышестоящая судебная инстанция: прокуратура оспорит, вышестоящий суд решение отменит. Но часто человеку требуется именно такой промежуток. Яркий пример – подмосковный чиновник Лев Львов, который был осужден за покушение на взятку, ему был присужден рекордный штраф почти на миллиард рублей (950 млн), но в одном из судебных заседаний речь зашла о переквалификации на мошенничество, человек вышел из тюрьмы, и больше мы его никогда не видели. А судья что? Все по закону. Вышестоящая инстанция отменила решение судьи, ну а теперь ищи ветра в поле.

Другой пример – кинопроизводитель И.И., который пришел в «Русь сидящую» после того, как через посредника передал московской судье два миллиона долларов за приговор с условным сроком. Мы ему сказали сразу: ты его получишь, но Мосгорсуд отменит, потому что все всё понимают. Так и вышло. И.И. получил условно четыре года, Мосгорсуд отменил это решение, и И.И. взяли под стражу, однако все понимали, что человек дал деньги. А потом еще раз дал в УФСИН за хорошие условия. Результат – человек сидит по второму приговору подряд, условия плохие, все тянут деньги, потому что прекрасно видят и знают: он давал. И плевать, что больше нет. До нас давал – значит, и нам должен. Юристы же кругом, причем с опытом. Кстати, разбирая дело И.И., можно сейчас с уверенностью сказать, что он невиновен. И лучше бы он уперся – хотя бы деньги сэконобил.

Но в целом взятки в судебном корпусе сейчас не так уж и распространены. Зачем? Людям и так неплохо живется. То есть мы видим, конечно, примеры, когда глупый судья попадает на взятке – такие случаи бывают, и они нередки, но сами посудите, при таких-то зарплатах и социальных гарантиях только самый отчаянный судья будет тупо брать деньги. Есть административный ресурс, он главный. Есть социально близкие граждане и правонарушения. Есть компромат, в конце концов. Далеко не все упирается тупо в деньги. В этой жизни все гораздо тоньше. Кстати, и ФСБ это тоже касается.

Это четвертый миф. Влияние ФСБ на судебную систему сильно преувеличено. ФСБ проводит спецпроверки. Судья при поступлении на должность подписывает согласие на спецпроверки в любое время. То есть на все занятие им должности в любое время и без судебного решения его телефон, его жилище может проверяться любыми способами – он изначально соглашается на нарушение его конституционных прав.

Справки от ФСБ – например, при получении судьей классного чина – имеют колоссальное значение. Приходит отрицательная справка – мол, имеется информация, что на данного судью есть компрометирующие материалы, свидетельствующие о том, что он замешан в коррупции. И все.

Как же существуют хахалевы? Потому что такие справки пишут люди.

Многие к тому времени, как становятся судьями, уже являются конфиденциальными сотрудниками ФСБ. Официально, по контракту. И их много, очень много. Они не добровольные помощники. Они – сотрудники.

Никаких открытых сведений по этому поводу нет – есть только анонимные рассказы нескольких отставников (и свидетельства действующих судей, приведенные на условиях анонимности), но уж очень детальные. При этом материальная сторона никакого значимого интереса не представляет.

В прокуратуре тоже считается «хорошим тоном» приглядывать за судьями и иметь свою папочку с компроматом на всякий случай. На моей памяти публично об этом упоминал один из заместителей генпрокурора в 2012 году на международной прокурорской конференции, причем подавалось это в качестве контрольной функции прокуратуры.

Однако в сложившихся реалиях такой «контроль» имеет значение только для отдельных случаев. Судьи, прокуроры и следователи – довольно закрытая каста, где приняты клановые браки. Судья замужем за прокурором, у них подросла дочь, ныне секретарь суда, и она выходит замуж за следователя – это типичная семейная ситуация. Да, в процессе у судьи гособвинителем не может выступать ее муж. Но лучший друг семьи – запросто, а следователем будет шафер на свадьбе дочери.

Или возьмем пример Ольги Егоровой, давней и одиозной главы Мосгорсуда, которая всю жизнь была замужем за сотрудником ФСБ, он умер несколько лет назад в чине генерала. Ну и кто из коллег обидит бедную вдову?

Все гораздо проще, нежели негласный контроль ФСБ и давление прокуратуры.

Нагрузка

Современная судебная система – это бюрократическая машина, цель которой – существование, воспроизводство и расширение собственных масштабов.

Давайте посмотрим, чем заканчиваются любые попытки реформы судебной системы за последние 20 лет. Несмотря на устойчивое впечатление, что никаких реформ судебной системы не было, это не так (реформы последних 26 лет не затронули разве что ФСИН). Появились апелляционные инстанции (раньше их не было), сначала в гражданском процессе, потом в уголовном. В 1990-х годах появились арбитражные суды (сейчас они слились с судами общей юрисдикции). Появились мировые судьи. Чем заканчивается каждая реформа, понятно из пресловутых законов Паркинсона: увеличением штата судейского и обслуживающего аппарата.

Появились помощники судей, которых отродясь не бывало. Кто такие помощники судей? Если бы спросили судей 25–30 лет назад, они сильно удивились бы: зачем помощники? Сейчас помощники совершенно спокойно выполняют рутинную судейскую работу: печатают постановления, все протоколы, все, что не успевает сделать секретарь, но что требует более квалифицированной работы. Печатают приговоры. Часто помощник вообще пишет судебное решение, а судья только просматривает и подписывает. Насколько это принято? Начиная с Верховного суда, где это считается нормой.

Колоссально раздуты штаты, при этом само по себе судопроизводство накачено функциями, во-первых, несвойственными, а во-вторых, не имеющими никакой необходимости.

Возьмем обычные судебные дела по мелким штрафам, мелким налоговым задолженностям. Для того чтобы взыскать штраф 500 рублей, необходимо пройти все судебные инстанции: либо судебный приказ, либо судебное решение; потом человек обжалует судебное решение, выходит еще одно решение – сколько денег на это тратится, чтобы взыскать с человека 200–300, 1000 рублей?

Если мировой судья выносит штраф, сколько на это нужно потратить денег? Оплачивается работа секретаря, помощника судьи, самого судьи, проводится судебное заседание, на которое люди вызываются письменно, работает масса электронных систем, в том числе электронные системы уведомления, – все это требует программного обеспечения, целый штат IT-сотрудников.

Сколько стоит одно административное дело? Сколько это стоит бюджету, который еще и не получит этот штраф 1000 рублей, ведь его без исполнительного листа не заплатишь, надо идти к приставам, которые тоже должны возбудить исполнительное производство; приставам предоставляется время, они идут и осматривают имущество, арестовывают его. Производят какие-то исполнительные действия, направляют документы в банки, направляют запросы по всей стране, банки отвечают. Исполнительное дело само по себе по стоимости бумаги, тонеров, элементарных канцелярских вещей выходит далеко за размеры этого штрафа. А вкуче с материалами административного производства – далеко за разумные пределы.

Зачем все это нужно? Для установления законности и достижения справедливости. Справедливость дороже. Зло должно быть наказано. Так ведь оно и не наказано в конце концов.

Но если конечная цель – справедливость, то почему нельзя сразу априори убрать все эти звенья? И отдать эти полномочия людям, которым государство изначально доверяет, – сотрудникам полиции? Ведь в любом случае все штрафы (если мы берем, например, административные дела по 26 марта и 12 июня 2017 года) основаны на пояснениях сотрудников полиции. А все остальное – это квазипроцесс, замена процесса судебного. Потому что какие бы аргументы ни приводили, какие доказательства, включая видеозаписи, ни предоставляли защитники, в любом случае остается только то, что написал сотрудник полиции. И вся судебная работа, включая апелляцию и кассацию, совершенно бессмысленна. Потому что все равно остается слово в слово то, что написано в постановлении или в протоколе об административном правонарушении.

Почему бы не разрешить сотрудникам полиции вынести это постановление и выписать штраф? Пришлепнуть это под дворник автомобиля или прислать письмом, и человек уже сам решит: если он согласен – идет и платит, а если не согласен – тогда уже идет в суд. И если это будет сделано, то судебная работа автоматически уменьшится в разы.

Потому что в большинстве случаев человек согласен оплатить. Как это делается с видеокамерами по штрафам по автомобилям. Не проходит же все это судебную систему. А почему? Потому что дальше уже невозможно расширять судебные штаты. Ведь какая-то часть людей, названных правонарушителями, и

сейчас идет в суд – например, по штрафам по камерам видеонаблюдения, которые стоят на дороге.

Если убрать из этой цепочки судей, тогда судейская работа снизится до оптимальной, процентов девяносто нагрузки отлетит. И судьям не надо будет платить эту бешеную зарплату, покупать бумагу, расходные материалы, приставов нанимать, потому что в каждом процессе пристав должен наблюдать, чтобы люди не куролесили. Как просто и логично – передать саму инициацию судебного процесса в руки тем, чьи права нарушены.

А ведь то же самое происходит с уголовными делами. Почему судьи не оправдывают? Можно говорить все, что угодно: о давлении административном, о давлении следственного аппарата, о прокурорском мощнейшем давлении, о давлении ФСБ (которое сильно переоценено). И все это будет чистой правдой. Но главное – нежелание и невозможность разобраться в деле.

Дела

Давайте еще раз применим к нашим судьям презумпцию невиновности. Ведь суд – это на самом деле не про справедливость. Это про закон. А справедливость и закон зачастую разные вещи.

Пример: мать-одиночка, у нее девять (!) детей. Старшие (четверо) совершеннолетние, младшей 9 лет, у нее церебральный паралич. Отцов нет. Ну вот такая подсудимая, женщина-дезадаптант. Довольно умная, работает риелтором. Семья снимает квартиру, потому что мать принципиально не хотела «подачек от государства» (глупо, ужасно, но бывает, видимо, хлебнула где-то в опеке). Обвиняется в мошенничестве в особо крупных размерах в составе группы.

То есть картина такая: есть организатор (мужчина), который показывал потенциальным покупателям квартиры, которые на самом деле не продаются, а сдаются. Документы были у него на руках. Показывала наша мать-героиня. Он – виноват. Она – виновата. Она сотрудничала со следствием, он нет. Оба получили поровну, по пять лет. В ее приговор дети не вошли как смягчающее обстоятельство. После приговора судья вызвал к себе адвоката: «Будете обжаловать – младшие дети пойдут в детдом и под опеку». А не будут обжаловать – младшие останутся со старшими в съемной квартире.

Они не обжаловали.

Это законно? Да. Справедливо? Ну ни разу.

Можно ли было сделать по-другому? Конечно. Обязательные работы, probation, все такое. Кому легче от того, что мать девяти детей пять лет за счет налогоплательщика проведет в тюрьме?

Другой случай. Присоединение Крыма, украинские осужденные (арест до марта 2014 года) получают срок уже именем Российской Федерации и отбывают его в России – черт знает где. И отношение к ним – как к «хохлам», извините за выражение. Осужденные не меняли гражданство, они остаются гражданами Украины. Преступления совершены на территории Украины. Они хотят отбывать наказание на Украине. Здесь их просто убивают – по разным причинам, не надо объяснять, телевизор есть везде. Только в Адыгее двое за последний год погибли.

Вопрос: а зачем? Люди – преступники, сели «за свое», не отказываются. Хотят сидеть на Украине. И почему бы их туда не отправить? Они хотят, Украина не против, почему же российские налогоплательщики должны их содержать? Но суды против экстрадиции. Логика нет, справедливости нет, закона нет – но эмоции понятны. Давайте мы уйдем их здесь. Ок, решает суд.

Суд – это часто не про справедливость, а про процедуру. Даже в странах с хорошей судебной системой добиться справедливости в суде бывает сложно из-за процедурных моментов, а в России и подавно.

«Судьи категорически не готовы брать на себя ответственность за решение по уголовному делу, и цифра 97–99% согласия с правоохранителями кочует из одной категории дел в другую. Так, например, в 98% случаев суды удовлетворяют ходатайства о прослушке, о проведении обыска, о заключении под стражу, о продлении ареста. Свобода усмотрения конкретного судьи остается только в выборе вида и размера уголовного наказания. Он не может, не хочет, не готов и не умеет принципиально оппонировать оперативникам, следователю и прокурору, потому что считает себя частью правоохранительной системы», – говорит Павел Чиков, руководитель международной правозащитной группы «Агора».

А сколько дополнительной работы создают незаконные, необоснованные, немотивированные отказы судей?

Это существенно прибавляет работы не только защитникам, но и самой судебной системе. Это – воспроизводство работы. Той самой работы, которую должен был исполнить судья первой инстанции. Ладно – вынес приговор кривой, его помощник писал. Исправь его в апелляции. Но нет – и защита грузит одну кассацию, другую кассацию, и не по одному разу. И каждый раз работает еще и прокуратура, и собираются заседания, идет время, идут деньги, идут зарплаты.

Вот она, искусственно созданная работа, искусственные показатели и сфальсифицированная нужность. И расходы бюджета на эту работу. Которой не было бы, вынеси суд сразу нормальный приговор. Нормальный – это законный, логичный, без нарушений. Ведь часто же просят вовсе не оправдания. Досудебщики, к примеру, идут на сотрудничество со следствием, дают показания, раскаиваются в надежде на более мягкий приговор. А часто получают больше, чем несотрудничающие обвиняемые. Но им, досудебщикам, положено наказание ниже, чем другим их поделщикам – как и требует закон. Добиться этого на практике защите не так-то легко. И часто не добиваются.

Свидетельствует бывший прокурор Алексей Федяров, ныне координатор «Руси сидящей»: «Особый порядок рассмотрения уголовных дел потерпел позорный крах. Он стал воплощением парадигмы о признании как о царице доказательств. По данным судебного департамента Верховного суда России, из 740 380 обвиняемых по всем статьям УК, дела которых были рассмотрены в 2016 году, особый порядок применялся в отношении 600 020 человек, то есть без исследования доказательств в России прошел 81% судебных процессов.

Внедрялся особый порядок рассмотрения уголовных дел в судах в России непросто. Еще сложнее было внедрить институт досудебного соглашения. Но в нашей стране есть люди, которые, если им надо внедрить что-то куда-то, они внедряют. Недра оказались не готовы, но кому до этого дело? Работая в «Руси сидящей», я завалился этой бедой по уши. Масса дел, по которым имелись прекрасные перспективы для работы; доказательств, помимо явно продиктованных показаний обвиняемого, нет вообще, но – особый порядок или, того хуже, досудебка (досудебное соглашение. – О.Р.).

Есть случаи, когда эти институты работают правильно, к взаимному интересу органов и человека. Все-таки это – соглашение. Но это мизер. Зачем это? Мы можем сколь угодно слезно пенять на систему, но по всем этим десяткам тысяч дел у людей были адвокаты. К чему это привело? К полной девальвации особого порядка в глазах правоохранителей. Отменить по надуманным основаниям досудебное соглашение в суде – запросто. Назначить безумный срок досудебщику, который вытянул мертвое дело и дал несколько дополнительных эпизодов, – легко. Есть у кого-то сомнения, что если досудебщик осужден, то остальные будут осуждены с вероятностью 100%? Нет.

Колоссальный удельный вес дел, рассмотренных без изучения доказательств, привел к тому, что правоохранение стало действовать методами дворовой гопоты. Сначала просьба: дашь кроссовки поносить? Дал. Все, после этого можно забивать толпой, ибо ты лох и никто. И просить милосердия, соблюдения договоренностей бесполезно, ты лежишь и не опасен. Сам согласился быть неопасным».

Нет, судья его не бьет. Просто не учитывает. Сотрудничество, раскаяние? Судья на это отвечает одним: у меня нагрузка.

Очень большая нагрузка. Текучка. Очень большая текучка. Некогда. Некогда посмотреть на дело внимательно и строго. Да и незачем. Если приговоры в особом порядке, признание вины, сделка со следствием сейчас до 81% дел, то зачем? Зачем кого-то оправдывать, пускать под откос работу (и премиальные) следствия и прокуратуры, с кем-то конфликтовать, с другом мужа – гособвинителем, с зятем, сватом, шафером деверя? В конце концов, с тем, у кого на тебя лежит компроматная папочка?

Есть, в конце концов, апелляция, кассации – пусть и разбираются. А там – то же самое.

А ведь если привести в порядок приговоры, даже просто внимательно посмотреть на поступающие дела, то 20–25% дел либо будут прекращены, либо по ним будет вынесено оправдание. Но некогда, некогда и незачем.

Если судьи начнут выносить оправдательные приговоры, дел в суд будут отправлять значительно меньше. Потому что все сомнительные эпизоды будут убиваться заранее. Дела не будут возбуждаться по сомнительным эпизодам, потому что в следствии и прокуратуре будут знать: бесполезно, не договоримся в суде, как сейчас, и судья вынесет оправдательный приговор.

А раз так, то уйдет нагрузка с судей процентов на 20–30. Как только с них уйдет нагрузка, у них сразу уменьшится штат в течение полутора-двух лет. Финансирование уменьшается в зависимости от отсутствия его освоения.

Это уже наш, понятный и родной феномен. Если финансирование, выделенное на год, осваивается в размере 100%, значит, на следующий год ты получишь сто плюс. Если освоил на 90%, получишь сто минус. На следующий год еще 90% – значит, от этих 90 еще минус. Чем меньше ты осваиваешь бюджетных средств, тем меньше ты получаешь на будущий год. Это русские бюджетные правила.

А для того чтобы деньги осваивать, нужно показывать напряженность. Показывать, что система завалена, загружена и страшно необходима. Хотя на самом деле нет ни заваленности, ни загруженности реальной. Система производит загруженность. Загруженность – главный итог, параметр, смысл.

А что касается расходов судебной системы, то это клондайк. Кто и когда проверял по-настоящему расходы судебной системы?

Классика жанра: «мероприятие в узком доверенном кругу», то есть баня. Судейские, прокурорские, в том числе человек, который отвечает за распоряжение денежными средствами судебного департамента области (округа, республики). То есть однокашники и коллеги. Плюс просто хороший человек, который производит кованые заборы. Общаются, выпивают, обсуждают насущное. И примерно через месяц Верховный суд (судебный департамент Верховного суда республики, краевой суд, областной суд) заключает договор с фирмой этого человека: огородить здание суда забором, который никому не нужен. Кованым, высококачественным, дорогим забором.

Сейчас заборами обнесено все. Кому они нужны, кто через них лезет? Как не лез никто, так и не лезет. Никому это не нужно.

То же самое с судебными переводчиками, с канцелярией, гаражами, IT-обеспечением, со строительством и мантиями – колоссальные расходы, и конкурсы выигрывают одни и те же фирмы.

Вот рассказ следователя по особо важным делам Республики Чувашия: «Мы расследовали одно уголовное дело, попала в поле зрения крупная обнальная контора – абсолютный «фонарь». И когда стали проверять остальные расходы – кроме тех, что нас интересовали, увидели там огромные суммы от Арбитражного суда, от Верховного суда республики, от Минюста – на канцелярские расходы. И нам не дали это расследовать. Дело закрыли».

...

Пожалуй, остановлюсь на этом интересном месте, потому что дальше начинается новая большая тема – расходы судебной системы вообще. Тема большая, закрытая, неподъемная. Какие такие канцелярские расходы, когда есть программа строительства, программа оснащения всех судов системами аудио- и видеопотоколирования; каких только околосудейских программ нет на белом свете, и куда ни копни – всюду клондайк.

Но кто ж полезет проверять. Там же кругом судьи. А судьям можно все – сигналы улавливают четко и в СК, и в прокуратуре, и в ФСБ. То есть и зять понял, и дочь, и сын, и сват, и деверь. И дядя со стороны невесты из Счетной палаты тоже все прекрасно понимает. Не суди – и не судим будешь.

Автор: Ольга Романова © Московский центр Карнеги ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 6949 12.09.2017, 23:35

URL: <https://babr24.com/?ADE=164942> Bytes: 30080 / 29990 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ольга Романова.**

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)